

Чжао Инлинь быстро припустил к воротам и в пару шагов выскочил на улицу. Но не успел он дойти до угла, как увидел толпу стражников в черных одеждах, которые, словно хищные волки, устремились прямо к усадьбе семьи Цуй. За ними молча шли несколько писарей, неся за спинами нечто непонятное, и тоже устремились в открытые двери.

«Неужто едва заявился в уездную управу — и сразу обыск с конфискацией? Неужели слуга предъявил какие-то доказательства невиновности, и начальник уезда решил обвинить его в клевете, отправляя стражников собрать улики?»

Чжао Инлинь нешуточно испугался. Поправив на голове шапочку, он поспешил навстречу одному из писарей и спросил:

— Уважаемый господин, я туншэн этого уезда, Чжао Инлинь, живу по соседству с семьей Цуй. Не подскажете ли, что стряслось у хозяина дома? Зачем вы пожаловали?

Писарь оказался неожиданно приветливым. Заметив беспокойство на лице юноши, он охотно ответил:

— Так вы почтенный сосед молодого господина Цуй! Мы прибыли по приказанию начальника уезда, чтобы прибрать и вымести двор для молодого господина Цуй. Молодой господин Чжао может быть спокоен и возвращаться домой.

«...Неужто молодой господин Цуй обладает поистине великим талантом, и начальник уезда, едва увидев его, так проникся симпатией, что захотел взять в ученики? Будь он обычным истцом, вряд ли начальник уезда проявлял бы такую заботу, отправляя людей убирать его двор».

Полный сомнений, Чжао Инлинь, поняв, что стражники не скажут ничего лишнего, вернулся домой и обо всем доложил дедушке с бабушкой и матери. Старшие в семье Чжао тоже не знали подробностей и лишь подозревали, что дело замешано с Цзиньивэй, но докопаться до сути не могли.

Юаньвай Чжао хлопнул себя по бедру и решительно произнес:

— Да какая разница, что там стряслось! Живо отправьте слуг присмотреть за его домом, чтобы уездные стражники ничего не сломали и не стащили!

Не только они, но и другие старые соседи поблизости высыпали на улицу, перепуганные этим снующим туда-сюда отрядом. Кто похрабрее — послал слуг помочь, а кто-то наблюдал издали. Даже ученики из школы господина Линя вышли посмотреть. Увидев Чжао Инлиня, присматривающего за работой домашних, они помахали ему и спросили, что происходит.

Чжао Инлинь ответил:

— Похоже, молодой господин Цуй пришелся по душе начальнику уезда, вот тот и прислал людей подмести и прибрать у него во дворе.

Один из однокашников с завистью заметил:

— Он ведь хозяин этой усадьбы цзиньши! Его отец служит чиновником в столице, неудивительно, что господин начальник уезда оказывает ему такое почтение.

Кто-то, однако, насмешливо возразил:

— И что с того, что из столицы? Мы, ученые люди, полагаемся на собственную образованность. Наличие знатного отца вовсе не гарантирует успешную сдачу экзаменов.

Старший туншэн вполголоса произнес:

— А мне кажется, тот слуга вовсе не лгал. Может, родные и впрямь собрали для него такое приданое? Дома он бил младшего брата, прогневал родителей, и его сослали на родину предков одуматься. Но он мало того что не раскаялся, так еще и связал слугу, присланного старшими для вразумления, и сдал его чиновникам... Пускай сейчас похваляется, но стоит его отцу узнать об этом, как ему не миновать сурового наказания!

Чжао Инлинь скривил губы:

— Не верю я, что родные его не любят. Мой дед знает его всего пару дней, а уже готов заботиться о нем, будто он его собственный внук.

К тому же, не будь этот слуга вертопрахом и хамом, предавшим хозяина, стал бы молодой господин так уверенно вязать его и вести в уездную управу?

— Это ты еще мал и ничего не понимаешь! Когда сыновей много, родительская любовь не бывает равной. В нашем уезде богачи заведут побольше наложниц, а потом сыновья от законной жены и от наложниц дерутся за наследство. Его семья живет в огромной столичной усадьбе. Если бы родители искренне его любили, разве отослали бы жить в глухой уезд?

Пока они спорили, на улицу со скрипом въехала большая повозка семьи Чжао. Из нее гурьбой высыпали люди. Лица у всех сияли от радости, спины были гордо выпрямлены, и, едва завидя знакомых, они наперебой запричитали:

— Невероятно! К нам в уезд прибыл циньчай! Угадайте, ради кого?

— До чего ж хорош фэншуй у предков семьи Цуй! Мало того что у них родился настоящий господин-Звезда Словесности, так еще и появился благородный муж, удостоенный высокой похвалы от самого императорского двора!

— Этот молодой господин Цуй с виду такой хрупкий и книжный, а на деле — храбрый богатырь, сумевший собственными руками скрутить еретика! Ему сдать экзамен на военного цзюйжэнь — что ни поеть!

Молодые ученые в белых одеждах, только что оживленно судившие о законных и незаконных наследниках в знатных семействах, от изумления онемели и не смогли вымолвить ни слова.

Чжао Инлинь схватил своего слугу и спросил:

— Ты говоришь, молодой господин Цуй удостоился высочайшей похвалы от двора? И сам циньчай прибыл зачитать указ? Но он ведь... разве он не ходил в уезд с жалобой? Судили его слугу или нет?

Оба домашних от волнения едва выговаривали слова, махая руками:

— Да кого волнует какой-то слуга! Господин циньчай лично заявил, что слуга осмелился предать хозяина, и пообещал заступиться за молодого господина Цуй! Это же сам господин циньчай! Тот, кто служит самому императору!

Раз уж молодой господин из семьи Цуй — благородный муж, отмеченный высочайшим указом императора, а циньчай лично разобрал его дело и признал, что слуга дерзнул обидеть хозяина, разве может циньчай ошибаться? Коль скоро господин циньчай объявил, что молодой господин Цуй чист, безупречен и всегда готов прийти на помощь в праведном деле, то утверждать, будто он неучтителен к родителям и братьям, — значит идти против самого государя и двора!

Несколько туншэнов, сильнее всех судачивших о Цуй Се, смущенно прикрыли лица рукавами и поспешили разойтись по домам, боясь привлечь к себе внимание. Впрочем, вся улица обступила вернувшихся из управы людей, увлеченно слушая рассказы о том, как величествен циньчай и как бесстрашно Цуй Се сражался с еретиком. На неприметных школяров никто и не взглянул.

Шум и оживление продолжались до самого начала часа Овцы. По ветру донеслись звуки гонгов, барабанов и сонай, и две шеренги стражников, несущих пышный почётный эскорт циньчая, начали расчищать улицу. Цокот копыт раздался у самого въезда.

Всадники Цзиньвэй были облачены в яркие красно-желтые халаты-еса из луаньского шелка с круглой вышивкой. Они держались с непревзойденной величественностью. Однако возглавлявший их офицер носил сине-зеленое чиновничье платье буфу, а выражение его лица казалось таким же ясным и мягким, как и цвет его одежд. Одной рукой удерживая поводья, он окинул взглядом отмытый дочиста резной карниз ворот дома семьи Цуй, слегка кивнул, соскочил с коня и поспешил встретить евнуха Гао, выходившего из паланкина.

Начальник уезда Ци и помощник начальника уезда Тянь, разумеется, тоже последовали за ними, а Цуй Се ехал в небольшом паланкине в самом конце кортежа.

Спустившись на землю, Цуй Се взглянул на ворота, где даже камни сияли чистотой, и едва поверил, что это его собственный дом. Внутри все выглядело безупречно свежим и убранным: на окнах и дверях белела новая промасленная бумага; плиты каменной дорожки были очищены от пыли; сорняки во дворе сровняли и засыпали ровной желтой землей, обрызгав водой, чтобы не поднимать пыль... В самом центре двора стоял длинный стол из красного дерева, на котором к его приходу уже затеплились три палочки благовоний.

Евнух Гао с улыбкой проговорил:

— Молодой господин Цуй, время не ждет. Преклони колени и прими указ.

Цуй Се уже несколько раз репетировал этот ритуал в уездной управе, поэтому быстро подошел к столу и с глубоким почтением опустился на колени, готовый принять императорский указ.

Евнух Гао развернул свиток. Его привычная приветливая улыбка мгновенно исчезла, уступив место строгому, исполненному величия выражению лица, и он громко зачитал:

— По повелению Неба, Высочайший указ императора гласит: Жителю уезда Цяньань Юнпинской управы Столичной области, сыну Се цуй Цюэ, лянчжуна Юньнаньского отдела Министерства финансов. Будучи отроком столь юных лет, ты проявил преданность государю и верность долгу. Вместе с воинами Цзиньвэй ты бесстрашно сражался против предводителей еретиков Учения Белого Лотоса, подставляя себя под клинки и проливая кровь, дабы подавить крамольные речи. Ведомства доложили Нам о сем, и Мы выражаем Наше одобрение. Настоящим даруется сия грамота с похвалой, и объявляется тебе звание благородного мужа, а также даруется табличка с Нашей собственными руками начертанной надписью в знак Высочайшей похвалы со стороны двора. Да будет так!

Цуй Се склонил голову и провозгласил здравицу императору, после чего бережно принял священный указ и поднял его над головой. Маленький слуга-евнух за спиной евнуха Гао вынес резную табличку, на которой сияли четыре крупных иероглифа: «Всегда готов прийти на помощь в праведном деле».

Евнух Гао тут же приказал:

— Быстро поднимите молодого господина Цуй, а табличку отдайте мастерам, пусть повесят!

Так как Цуй Се держал указ обеими руками над головой, подняться самому было неудобно, а стоявшие сзади люди все еще лежали ниц на земле и не успели бы помочь. Находившийся поблизости цянху Се аккуратно подхватил его под локоть, и тот легко встал, обойдясь без сторонней помощи.

Под взглядами присутствующих он с глубочайшим почтением поместил императорский указ в храме предков, а затем поручил Цуй Юаню с сыном сбегать к семье Чжао и одолжить хорошего чая и сладостей, чтобы угостить циньчая.

Евнух Гао со смехом ответил:

— Ты, такой малец, один живешь в этой развалине, неужто у нас хватит духу объедать тебя? О нас позаботится уезд Цяньань, а завтра спозаранку мы уже отправимся во дворец с докладом. Так что живи себе спокойно и не думай тратить на нас.

Цуй Се и сам понимал, что в глазах почтенного евнуха его скромный двор — место, где и ступить-то негде, поэтому навязываться не стал. Совершив поклоны, он проводил гостей к выходу.

Стражники уездной управы сработали весьма проворно: пока они выходили, позолоченная табличка уже красовалась над главными воротами, яркая и дарующая удивительное чувство безопасности.

«Отныне я — благородный муж, находящийся под защитой самого императорского указа. Даже если кто-то из семьи Цуй снова явится в Цяньань, посмотрим, посмеет ли кто обидеть меня перед табличкой, дарованной императором!»

Вздохнув с благоговением в сторону указа, он повернулся и, сложив руки в приветственном поклоне, проводил евнуха Гао до паланкина, попутно размышляя о том, чем бы порадовать на прощание его и цянху Се.

<http://bllate.org/book/18372/1761251>